

А ПТИЦЫ В ЭТО ВРЕМЯ...

РАССКАЗ

МУХАММЕД ДИБ

✱

Мухаммед Диб (род. в 1920 году) — выдающийся современный алжирский прозаик, автор трилогии «Алжир» (опубликованной в русском переводе). В последних произведениях, к числу которых принадлежит и публикуемый рассказ «А птицы в это время...», писатель создает психологически достоверные портреты своих современников, разоблачает уходящее прошлое Алжира, отображает крушение общественнического уклада жизни.

✱

— А-а! Наконец-то ты пожаловал! Ну что, в мастерской все в порядке?

— Как всегда, хозяин. А вы как себя чувствуете сегодня?

— Оставь. Не надо об этом. Мое здоровье — это вовсе не та тема, которая меня интересует.

Росли, рабочий-ткач, ухмыляется в ответ. Он только что вернулся с рынка, куда посылал его хозяин, Хосин Дермак. Хоть он уж и не мальчик — ему лет двадцать пять — двадцать шесть, — а все еще на побегушках у хозяина, как подмастерье. Хосин Дермак тоже улыбается.

— Так какие новости? Выкладывай.

— Ничего особенного. Сегодня то же, что вчера, как поется в песне.

— Хитер!

Все тот же простодушный смех растягивает впалые щеки Росли, покрытые колючей щетиной, обнажая его длинные лошадиные зубы. Он идет на кухню, чтобы поставить сумку, которая оттягивает ему руку.

Когда, освободившись от своей ноши, он возвращается во двор, Хосин Дермак говорит ему: — А ну-ка садись. Ты заслужил стакан чаю.

Укрытый простыней, под которой обозначается его тучное тело, он покоится на ложе из двух матрасов, покрытых голубым шелковым одеялом, толстым, как перина. Рядом на ковре низкий столик с большим медным подносом, стаканы, чайник. Хозяин знаком велит Росли сесть на другой диван. Рабочий принимает приглашение, разувается, прежде чем ступить на затейливый цветочный узор персидского ковра. Дермак приподнимается на своем ложе, наклоняет чайник. Тугая струя льется в стаканы.

Сцена эта повторяется каждое утро.

Хозяин не скрывает своего удовлетворения. Опершись на локоть, он по глоточку отпивает чай и украдкой поглядывает на Росли. Стоит Росли появиться, и к Дермаку возвращается жизнь. В Росли он нашел собеседника по сердцу, потому что тот помогает ему коротать нескончаемые праздные дни, на которые обрекает его болезнь.

Так он и лежит, облокотившись на подушки, со стаканом в руке и размышляет, покачивая головой, и снова пьет.

Но, видно, мысли не дают ему покоя, и он не выдерживает:

— А знаешь, что мне кажется, Росли?

Рабочий перестает тянуть горячий чай.

— Нет.

— Что-то в жизни должно перемениться. И эта перемена, вне всякого сомнения, пойдет на пользу.

Росли улыбается одними глазами. Он привык к подобным откровениям, хотя поначалу они приводили его в полное замешательство.

— Ибо жизнь — это ловушка! — продолжает Дермак. Судя по всему, он долго вынашивал эту

мысль. — Настоящая ловушка! Взять хотя бы эти чуть ли не восемь лет войны, да даже и не войны, а так, неизвестно чего, — разве это не ловушка? А в какой еще капкан мы лезем теперь? Знать это не дано никому! И никто ничего не узнает до того самого дня, когда уже будет слишком поздно, чтобы из него выбраться. Нет, уж лучше послать все к дьяволу.

Он умолкает, потом добавляет горестным тоном:

— Только разве это возможно?

Росли думает про себя: «Что за странный человек! Ему чертовски повезло в жизни. Что за нужда так себя мучить?» — а вслух произносит: «Это и есть жизнь», — хотя и не очень ясно представляет себе, что он этим хотел сказать. Просто надеялся успокоить хозяина.

— Все так думают! — говорит Дермак. — За двадцать лет дела мои здорово пошли в гору, да и сейчас процветают, несмотря на некоторый спад из-за всех этих событий. У меня теперь две мастерские, и в каждой — по дюжине ткацких станков. И что же, успех этот, которым я по праву могу гордиться, тоже всего-навсего ловушка!

Росли слушает хозяина, не произнося больше ни слова. Все эти размышления не растревожили бы так Дермака, если б не его постоянная, неотвязная тоска. Сегодня она в них отыскала себе пищу.

Дворик затенен аркадой, столбы которой выкрашены в голубой цвет. Из переполненного бассейна, наполовину скрытого густыми зарослями чудоцвета и базилика, журчащими струйками стекает вода. Солнечные зайчики, отражаясь от нее, озаряют весь двор. И Росли проникается покоем. Все мысли исчезают, растворяются в одном ощущении бесконечности летнего утра, заполнившего все вокруг.

— Ты-то понимаешь это? — спрашивает Хосин Дермак.

Росли, очнувшись от оцепенения, вздыхает и отвечает в некотором замешательстве:

— Понимаю, только я не согласен с вами.

— Ишь ты! Это почему же? Ну-ка объясни.

Росли с удивлением смотрит на него.

— У меня другие взгляды.

— Другие взгляды! Какие же это? Давай рассказывай. Нет, вы только подумайте! Другие взгляды!..

Застигнутый врасплох, ткач размышляет, не зная, с чего начать. Раздосадованный его молчанием хозяин кричит:

— Говори же! Давай спорить! Почему ты вдруг замолчал?

Росли соглашается без всякого энтузиазма:

— Хорошо. Но я не умею спорить. По-моему, споры только обостряют взаимное непонимание.

— Так, по-твоему, выходит, что у людей ничего, кроме этого непонимания, и нет?

— Ну не совсем так. В общем, я не знаю.

— Тогда что же ты имел в виду?

— А то, что глупо спорить, если хочешь познать истину.

Растерявшись, Хосин Дермак не находит слов, чтобы ему ответить, и раздраженно смеется. Росли из учтивости тоже улыбается. Схватив чайную ложку, хозяин досадливо постукивает ею по подносу.

Позвякивание ложки привлекает внимание Тетмы, и она появляется на пороге дома. Пре-

красное лицо женщины, а главное, ее огромные серые глаза, как бы отчеркнутые от всего остального черной полоской сурьмы, всякий раз повергают Росли в изумление. А Хосину Дермаку появление ее дает возможность излить свое раздражение.

— Тебя-то кто звал? И почему это тебе непременно надо совать свой нос, куда не просят?

— Я думала, тебе что-нибудь надо.

Спокойно сказав это, она уходит.

Дермак ворчит:

— Святая простота — вот что ты такое. Забрал себе в голову, будто все на свете знают, в чем заключается истина. Тебя послушать, так выходит, что первый попавшийся дурак может ее распознать. Ошибаешься! Если уж хочешь жить согласно истине, начни с того, что сними пиджак, ботинки, облачись в рубище и, склонив голову, предстань в ничтожестве своем перед лицом того, кто тебя создал!.. Вот тогда и посмотрим, что скажут о тебе люди.

Круглое лицо Дермака покрывается морщинами. Чрезмерное возбуждение утомило его. Он откидывается на подушки. В нем нарастает жалость к себе, да и ко всему на свете, к горлу подкатывает комок.

Закрыв глаза, он продолжает:

— Человек глуп, он так и будет вечно страдать, а птицы в это время поют-распевают...

Минуту спустя он открывает глаза, глубоко вздыхает.

— Не обижайся на меня за то, что я сказал. Знать, в чем заключается истина, — скольким людям это дано? А-а, до чего же это трудно — жить...

Он снова приподнимается на локте.

— Не слушай болтунов! Они тебя погубят. Ты еще молод, туманов от жизни получил мало, и сердце твое не очерствело. Не надейся, что отныне жизнь станет обходиться с вами — с тобой, со всеми — более справедливо!..

Взгляд его мечет молнии, будто он хочет пронзить кого-то. Он снова вытягивается на своем ложе и долго молчит, высказав все, что хотел. Он словно погружается в бездну небытия. Лицо его становится умиротворенным, напряженно спокойным. Росли не тревожит его раздумий.

Хосин Дермак все-таки нарушает свое молчание, но голос его звучит как бы издали. Он спрашивает:

— Будешь обедать с нами?

— С удовольствием.

Дермак все еще лежит, устремив глаза куда-то в небо, но уже своим обычным голосом зовет:

— Тетма! Тетма! — Росли остается обедать.

— Очень любезно с его стороны, — с одобрением говорит женщина и уходит в дом.

И снова их уединение нарушается лишь плеском воды, выливающейся из бассейна. Росли вновь отдается ощущению покоя, минуты, сливаясь одна с другой, кажутся вечностью, времени как будто не существует, оно исчезло, покинув мир. Ничего нет, и лишь молчаливое присутствие летнего утра парит над всем.

Вдруг откуда ни возьмись во двор сваливаются два дерущихся воробья. Писк, чириканье, взъерошенные перья...

Хосин Дермак приподнимается, чтобы лучше видеть их, и смеется от восторга.

— Ай да канальи, как дерутся! Просто поразительно!

Испуганные звуком его голоса, птицы мигом вспорхнули и, продолжая атаковать друг друга, исчезли за гребнем крыши.

Хосин Дермак ложится на левый бок и, улыбаясь, устало ворчит:

— Копить, откладывать и мучиться из-за этого? До чего же глупо!

Он тянется к Росли:

— Верь своему инстинкту, если хочешь жить.

Рабочий кивает в знак согласия.

Дермак, растревоженный, ворочается, ложится снова на спину, поправляет сползшие подушки. Делает глубокий вдох, выдох. И вдруг его вздувшееся тело, которое до сих пор лишь явно обременяло его, расслабляется. Он чувствует — и Росли понимает это, — как оно, словно отрешившись от всего, уходит куда-то в темную пещеру.

Он шепчет самому себе:

— Покой.

Росли как будто что-то кольнуло в сердце, но в голове его уже теснятся слова утешения: «Смерть подстерегает не меня».

Он слушает говор воды в бассейне и снова поддается чарам летнего утра.

— Значит, что же? — спрашивает Хосин Дермак, словно во сне. — Ты говоришь, что люди собираются грабить нас, или я не так тебя понял?

Голос его снова звучит насмешливо.

— Надо, чтобы добро было разделено по справедливости, — нерешительно отвечает Росли.

— Ты думаешь, что...

— Тысячи людей думают то же самое.

— Это правда. Все люди недовольны.

Хосин Дермак долго молчит.

— Нет! — произносит он вдруг решительно. — Люди недовольны не тем, о чем ты думаешь. Нет, старина, совсем другим! Я это чувую. Совсем другим! Чем именно, я не знаю, но совсем другим... Я уверен!..

Он снова погружается в молчание, но, по всей видимости, продолжает размышлять. Во взгляде его появляется что-то непонятное. На щеки, от глаз до уголков губ, ложатся глубокие морщины.

А свежесть и мягкий свет, заполняющие дворик, отгораживают сердце Росли от всего остального, затопляя его непреодолимым блаженством.

«Хосинам Дермакам не остается ничего другого, как исчезнуть. В сущности, это самое лучшее, что они могут сделать, — думает он. — Да! Это самое лучшее, что они могут сделать».

И человек, лежащий рядом с ним, хозяин, словно освободившись от какой-то тяжести, дышит спокойнее. Кажется, он засыпает.

Но немного погодя он говорит медленно и ясно, четко произнося каждое слово:

— Я чувствую, что умираю.

Он пристально смотрит на Росли.

— Каждый день мы понемногу умираем, но то, что я испытал сейчас, именно испытал... Странно! Похоже на ожог.

Он снова углубляется в свои мысли, а может, спит, кто его знает.

«Что странно? — думает Росли. — Умирать? Или понимать, что умираешь?»

Он вздыхает с непонятным облегчением. Вода, и цветы, и солнечные блики... Какой волшебный покой!

* * *

Печальные глаза Тетмы неотступно следят за Хосином Дермаком. Неуверенно ступая, Дермак бродит из угла в угол по двору, окутанному тьмой. Потом направляется к двери, открывает ее, переступает через порог... Хочет вернуться назад, но мрачная сила, набросившись на него, бьет в спину. Толкает. И он идет. Поддавшись ей.

«Сколько же месяцев я не высовывал носа на улицу?»

В конце концов, он не так уж отличается от других запоздалых прохожих, которых время от времени встречает на своем пути. На ногах у него домашние тапочки — бабуши, на плечи поверх рубахи брошен плащ. Но ведь и они одеты ничуть не лучше. И все-таки он пробирается как сквозь тьму.

Он погружается в думы. Он видит город тьмы, сползающий куда-то к границам ночи, он задыхается от горячей сухости. Чувствует, как в ладонь его впииваются острые края бидона, слышит чей-то говор, перешептыванье. И кружит. Кружит меж огней и препятствий, нагроможденных в беспорядочно построенном городе.

Препятствия всюду, но они расступаются, давая ему дорогу к заветной цели. Низкая тяжелая дверь в нескончаемой стене внезапно возникает перед ним. Он роется в карманах плаща. Достает ключ. Открывает. В лицо ударяет запах овчины, густой и едкий. Он вдыхает его, и забывается все: болезнь, тоска, печаль.

Он спускается вниз, в непроглядную темноту. Осторожно ставит обе ноги на одну ступеньку, прежде чем шагнуть на следующую. Дойдя до самого низу, ничего не видя, слепо движется вперед. Темнота пахнет плесенью. Шаг, другой. Он протягивает свободную руку и дотрагивается до ткацкого навоя. Гладит натянутые нити. Они дрожат, словно пучок нервов. Ладонь его опускается на мотовило. Одним пальцем он пускает его в ход. В ответ слышится низкое и тихое гуденье. Другие ткацкие станки уже ждут его прикосновения. Они узнали его, они хранят ему верность.

Он открывает бидон, который держит в руке, и разливает вокруг по полу его содержимое. И сразу же холодящий, быстро поднимающийся запах забивает собой все прежние. Дермак чиркает спичкой, и на коробке вспыхивает фосфоресцирующая линия, вторая, третья, четвертая. Спичка не зажигается. Он терпит терпение, ломает спички одну за другой. Вдруг у самой земли распускается огненный цветок, немного подальше — еще один, еще и еще, и вот они начинают резвиться. Множатся, скачут, рвутся ввысь! Наперегонки спешат осветить подвал — для него одного.

Он поворачивается к ним спиной, направляется к лестнице, пускается в обратный путь по узким ступенькам, поворачивает ключ. Идет назад по тем же самым улицам, с трудом узнавая их.

Он застаёт Тетму на том же месте, где оставил ее. Увидев его, она встает. Провожает его до постели; шепчет:

— Ляг. Отдохни.

Дермак досадливо машет рукой. Она снимает с него плащ и уходит. Он ложится на правый бок, опускает голову на подушки, вздыхает.

Перевела с французского
Н. Световидова